

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ТУЛЫ И ОБЛАСТИ

УЗЛОВСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПОЛЕ УЗЛОВОЙ

Во второй половине XX в. в среде Тульских литераторов родился термин «Узловская литература — Узловские литераторы». И на это были определенные основания...

Но история литературного поля Узловой уходит в глубину XIX в. в село Шаховское — родовое имение князей Оболенских. На протяжении многих лет Дмитрий Дмитриевич дружил с Л. Н. Толстым. Часто Лев Николаевич навещал князя, отдыхал, охотился с ним в окрестностях Шаховского. Издавна князь Шаховские разводили породистых лошадей. Именно здесь Л. Н. Толстой приобрел своего любимого коня Делера, подробно описанного им в романе «Анна Каренина» под кличкой Фру-Фру. Дмитрий Дмитриевич оставил любопытные воспоминания о гениальном писателе. Писал он и за границей, куда занесло его октябрьским ураганом.

Любопытно, что, несмотря «на вихри враждебные» и грозовые эпохи, разведение породистых лошадей сохранилось, став одним из основных направлений хозяйства и в наши дни.

В 30-е годы XX в. в редакцию Узловской газеты «Сталинское знамя» обком партии направил на работу известного тульского поэта Степана Белоусова, поэма которого «Тульский Кремль» и сегодня читается с интересом. Он-то и возглавил литературное объединение, костяк которого составляли Алексей Киселев-Кузнец, Евгений Ельшов, Николай Комедин, Анатолий Кузьмичев.

Талантливый Степан Белоусов погиб на войне, а Е. Ельшов, Н. Комедин и А. Кузьмичев вернулись с фронта, продолжили дело своего учителя. Первый стал известным журналистом-международником. Многие годы он работал в странах Латинской Америки. Сейчас живет в Москве, пишет стихи и прозу, издал несколько книг. В том числе и книгу о предвоенной Узловой, о молодежи города накануне войны и в первые месяцы военных действий. Не теряет связи с городом — периодически бывает в Узловой.

А. Кузьмичев стал видным писателем. Многие годы он жил и работал в Тбилиси. Последнее время живет в Минске. В свое время в Туле был издан его роман «Одиннадцатый класс» — об Узловой и узловчанах в годы войны. Его пьесы шли на сценах многих театров. Недавно у него вышел роман — хроника в трех книгах «Южный бастион». Его работа потрясает своей масштабностью, реалистичностью событий военных лет, особенно связанных с обороной Тулы и боями на земле нашего края. Роман густо «населен» — от руководителей воюющих стран до маршалов и рядовых солдат.

С Узловой тесно связано творчество В. Е. Максимова. В ряде произведений он описывает события, связанные с нашим городом. Здесь жили его родственники, и он бывал в нем.

В нашем городе родилась легендарная разведчица и известная писательница

3. *И. Воскресенская, Лауреат Государственной премии СССР и премии Ленинского комсомола, имя которой носит детская городская библиотека.*

В 1948—1949 гг. в Узловой жил и работал будущий знаменитый писатель В. А. Чивилихин. Он из Сибири поехал покорять литературную Москву и задержался на ее периферии, коей и являлась в то время Узловая. Потом он станет одним из читаемых писателей своей эпохи, лауреатом Государственной премии СССР, премии Ленинского комсомола. Его повести «Про Клаву Ивановну», «Елки-моталки», «Шведская остановка», «По городам и весям», роман в двух книгах «Память» принесли ему всемирную славу. Но прожил он всего 56 лет и умер в 1984 году.

Узловая — мать Новомосковска. На узловской земле под руководством партийной организации в 1929 году началось строительство гиганта химии. Тогда здесь часто бывали, а иногда и подолгу жили известные литераторы: Г. Алексеев, Н. Дементьев, А. Жаров, П. Железняков, Н. Незлобин, Ф. Панферов, С. Щипачев и другие.

На строительство Новой Москвы приехал и Степан Поздняков, ставший журналистом и поэтом, большим подвижником. Именно он в «годы невзгод» помог выдающемуся советскому поэту Ярославу Смелякову, приютив его в своей комнатенке. Классик литературы стал наставником начинающих авторов Мосбасса, в который входили около десятка окрестных городов.

Позже дело Я. В. Смелякова продолжил замечательный поэт — фронтовик Н. К. Старишинов. Он был не только общественным деятелем, но и непревзойденным наставником молодых литераторов. Многих тульских, новомосковских литераторов пригрел под своим крылом, дал им путевку в большую литературу Николаи Константинович.

Несколько десятилетий литературное объединение Новомосковска возглавлял С. Я. Поздняков. Узловские литераторы не пропускали ни одного занятия у него, публиковались на страницах новомосковской газеты. Тесная связь литераторов Новомосковска и Узловой сохраняется и укрепляется. Ближние соседи — частые гости друг у друга на занятиях, на различных литературных мероприятиях, в издании своих произведений в коллективных сборниках.

В пятидесятые годы Узловское литературное объединение возглавил хороший новомосковский поэт П. В. Поддубный, работавший в нашей городской газете. В эти годы у него учились юные Л. Кальянов, В. Мишин, Н. Боев. Позже к ним присоединились Е. Елманов, А. Кудрявцев. А еще позже в литературное объединение влились М. Крышко, В. Сапронов, Ф. Хрусталева, Ф. Гусев, В. Положенцев, В. Родионов, В. Залотуха. В начале шестидесятых годов литературным объединением руководили В. Мишин и М. Крышко. А в 1966 г. его возглавил Н. Боев и продолжает руководить им до наших дней.

За эти годы профессиональными литераторами — членами Союза писателей России стали Н. Боев, А. Жуков, М. Крышко, В. Сапронов, В. Родионов. Всемирную известность приобрело творчество еще молодых сценариста и прозаика Валерия Залотухи и поэта и музыканта, лидера эстрадной группы «Бахыт — Компот» Вадима Степанцова. Это далеко не полный список, ибо десятки воспитанников литобъединения разлетелись по странам ближнего и дальнего зарубежья. Но приходят другие. Прочно слились с литературным объединением активные участники Ю. Елисеев, Ю. Юрков, Н. Ушаков, И. Беляев, Т. Сапрыкина, Г. Свиридов, Л. Лязина.

Узловские литераторы не затерялись в литературном море. Дважды становился лауреатом конкурса писателей СССР и МВД о милицейских буднях Михаил Крышко. Девять раз побеждал в областных литературных конкурсах Н. Боев. Он и В. Сапронов — лауреаты литературной премии им. Л. Н. Толстого. Лауреатами областных конкурсов становились Л. Кальянов и Н. Циндель.

Наиболее активными членами литературного объединения являются Ю. Киреев, Л. Бурцева, Г. Рябова, Т. Кутикина, В. Баранов, О. Невенченко, Л. Киселева, Л. Ахвердиева, Н. Панюшкин, В. Воронин, Л. Кольцова, Е. Серегина, В. Полянских, А. Кондратович, А. Шакирьянов, С. Баранова, Е. Кузьмичева, Г. Абрамова, О. Ермолаев, С. Гардер.

Литераторы — нередкие гости на радио и телевидении, на страницах узловских и областных газет, в сборниках Тулы. Без них не обходится ни одно крупное городское и областное мероприятие, как и сама история нашего города. Ими выпущено десятки книг, тепло встреченных читателями и литературным сообществом.

Николай Боев

ВАСИЛИЙ МИШИН

(г. Узловая)

Василий Алексеевич Мишин родился 4 января 1935 года в деревне Трудки Орловской области, ставшей частью величайшей Орловско-Курской битвы 1943 г. Здесь В. Мишин получил тяжелейшее ранение и на всю жизнь остался инвалидом.

В 15 лет Василий Мишин опубликовал свое первое стихотворение. В 1951 г. он переехал в Узловую. Работал и учился. Постоянно писал стихи, которые публиковались в газетах Москвы, Орловской и Тульской областей, в различных коллективных сборниках и альманахах.

В начале 60-х гг. прошлого века В. Мишин являлся руководителем Узловского литературного объединения.

Все годы работы его связаны с железной дорогой.

РОДИНЫ МАЛОЙ БЕРЕГ

* * *

Как там в давности было
Можно только гадать.
Очень Люба любила
У реки погулять.
Потому и преданье
Не на месте пустом:
Было Любе свиданье
На обрыве крутом.
Что же стало с тобою
Люба-Любонька-свет?
Смыло вешней водою
Речки Любовки след.
Где высокий тот берег
И свидетель ветла?
Ни за что не поверишь,
Что здесь речка текла.

И в земном быстротечье
Позабылось давно,
То, что Любовке речке
Твое имя дано.

ДИЗЕЛЬ-ПОЕЗД

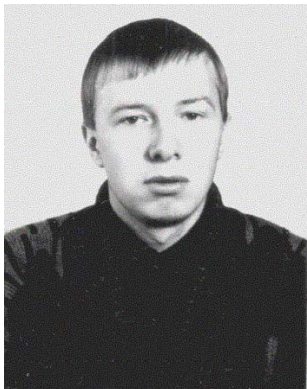
Сяду я в дизель-поезд,
Сяду в урочный час.
В окнах знакомый до боли
Родины малой пейзаж.
Мне выходить не скоро,
Буду в окно смотреть.
Дизеля мерная скорость
Станет мне душу греть,
Да неумолчный говор
Будет со всех сторон:
Веси окрестные, город —
Как разнолик вагон!
Едем мы все по делу.
Чем-то корзины полны,
Пахнет ягодой спелой
И молоком парным.
Рядом радость и горе —
Хочешь — душу излей,
В спорах и разговорах
Время летит быстрее.
Тают за дымкой сизой
Станции, блокпосты.
Катится тихо дизель,
Бьют колеса о стык.

В ДОРОГЕ

Подкладывали хворост под колеса,
А дождь, как очумелый, бил внахлест.
Плелися по обочине березы.
За ними — степь на много-много верст.
Промокли за день до последней нитки,
Пока вдруг не попали на большак.
Усталые, счастливые улыбки, —
Дождем с лица их смыть нельзя никак.
Продрогшие, друг к другу сели ближе.
Дай газ, шофер! Дай газ, шофер, такой,
Чтоб, скрежеща цепями о булыжник,
Колеса закрутили шар земной!

СЕРГЕЙ ГАРДЕР

(г. Узловая)

Родился в 1974 году в г. Узловая Тульской области, в рабочей семье. Предки по материнской линии спокон веков крестьянствовали в наших местах. Предки по отцу происходят из Северо-западной Германии (возможно, из Голландии). В Россию они переселились после известного указа Екатерины и до 1941 года компактно проживали в степных районах Алтая, разводя там лошадей.

Теперь, вместо предисловия, несколько слов самого автора: «Мир, безусловно, идет к краху. Грозные признаки некой катастрофы, Беды растворены в воздухе. В этих условиях всем нам нужна опора, нечто крепкое, суровое, светлое. И ничего, если где-то оно будет примитивным или наивным. Надо отсечь лишнее, наносное, случайное, пусть даже и «милое» и «хорошее». Сердце найдет точки опоры, новые пути и подходы в погружающемся в хаос мире, какими бы непривычными, нестандартными они бы ни были».

* * *

Как царственно-зловещ мир на исходе дня:
Холмы, посадки погрузились в думу,
Тревожнее ветра, мрачнее зелена,
И небо беспокойней и угрюмей.

Огромные дубы над темною водой...
Стою один посередине лога.
И солнце умирает за горой,
Деревня черным высится чертогом.

Взошла луна; ведет наверх дорога.
Назад не повернуть; иду по ней.
И там, среди домов, рябин, собак, людей,
Два озера, глаза земли печальной сей,
Глядят в тебя с надеждой и тревогой...

ТРОИЦА

Стол из нестроганных досок,
Темь... Здесь, на скамье, неожиданно,
Единый — но в трех лицах — Бог
Явился Аврааму.

«Три мужа» — ангела простых —
В лазоревых одеждах,
О чем-то дальнем загрустив,
Не поднимали вежды.

Казалось, что Им дольний мир,
Тем ангелам, беда, веселье
Людские?! Здесь недолог пир,
И тяжело потом похмелье.

Но средний очи приоткрыл.
Подвинул чашу Он руками
И, помолчав, благословил
Ее дрожащими перстами.

А два других, пронзая Тьму,
Полны небесного горенья,
Склонили головы к Нему
В единства знак и одобренья.

Для нас ужасен плотный мир,
Стремится к Высшим сверхсознание...
А Тем дарован вечный пир,
Но Их безмерно сострадание.

ОЛЬГА НЕВЕНЧЕНКО

(г. Узловая)

Стихи начала писать с 11 лет. По специальности — бухгалтер. Печаталась в Новомосковских альманахах «НЛО», «ЛИК», Новомосковской газете «Любава», Узловской газете «Металлист» и в газете «Тульский литератор».

КОШКИ — МЫШКИ

Летят снежки — малышки,
Гудит — поет гобой.
Играю в кошки — мышки
С злодейкою судьбой.

Она за мной вприпрыжку
Бежит который год.
В случайной передышке
Вдаль за собой зовет.

Ласкает нежно ушки
Забавное вранье —
Улиткою в ракушку
Я прячусь от нее.

Удача синей птицей
Мелькает впереди,
И снова мне не спится,
Кричу ей: «Погоди»!

Мигнут в долине ночи
Узловские огни...
Судьба в ответ хохочет:
«А ну-ка, догони!»

МУЗЕЙ ТИШИНЫ

Где-то в очень дремучем лесу,
На зеленой болотной трясине,
До сих пор я понять не могу,
Как построен музей темно-синий.

Романтично зовет на чердак
Одинокая крыша из веток:
Здесь собрат умудрился чудаком
Тишину всех мастей и расцветок.

Осторожно шагнешь за порог,
И не скрипнет дощатая дверца.
Здесь приветствий обыденный слог
Состоит из особого действия.

Скучной лентой немного кино
Тишина по музею шагает.
Страшно, жутко, немного смешно
Экскурсанту порою бывает.

Убежит посетитель, устав,
На бегу схватит птицу Свободы.
Засмеется, впервые поняв
Силу звука воскресшей природы.

ПРАВО ЖИТЬ

Любая мысль имеет право жить,
И глупость ведь бывает гениальна,
И тонкой лжи чарующая нить
Красивой правдой кажется случайно.

Хочу на крыльях вдохновения кружить,
То камнем падая, то чайкой воспаряя.
Любая мысль имеет право жить...
Вот только выживает не любая.

ЕЛЕНА КИСЕЛЕВА

(г. Узловая)

Елена Киселева родилась в г. Серпухове Московской области. С 1974 проживает в городе Узловой. Пишет стихи с 1998 года. Член Узловского и Новомосковского литературных объединений. Периодически печатается в городских и районных газетах, в альманахе «НЛО», художественно-краеведческом сборнике «Переключка», православном альманахе «Прихожанин», альманахах стран ближнего зарубежья «Родник» и «Содружество». В 2007 году ее стихи вошли в сборник лирики тульских поэтов «Свет любви», в 2008-м в межрегиональный сборник «На крыльях пегаса» при Тульском отделении СП России, поэтический сборник «Моя талантливая Русь» города Москвы, а также сборник детских стихов «С бору по сосенке».

В 2004 году в издательстве «Инфра» г. Тула вышла ее первая книга «Не сотвори себе кумира», состоящая из любовной лирики. Готова к изданию созданная в соавторстве книга «Фэтон любовных грез».

Художник и поэт по призванию, она работала специалистом по связям с общественностью на крупном химическом предприятии, диктором на кабельном телевидении, корреспондентом заводской многотиражки, в настоящее время обозревателем районной газеты.

Кроме стихов, с большим желанием занимается декоративно-прикладным творчеством, художественной фотографией, живописью, принимает участие в городских и областных выставках, поэтических встречах, литературных семинарах. В данное время работает над новой прозаической книгой.

* * *

Бросить все и к тебе бежать,
И с порога — в твои объятия...
А потом тихо рядом лежать,
Скинув на пол туфли и платье...

Грудь и губы твои ласкать,
И в желаньях не знать предела,
И пороков в себе не искать,
Отдаваясь на волю тела.

Обо всем с тобой забывать,
Не глядеть на часы украдкой,
И счастливой к утру засыпать
На руке твоей сладко-сладко...

ОРЕЛ И РЕШКА

Две стороны одной монеты,
Хоть под каким гляди углом,
Несовместимы, и при этом,
Живу я решкой, ты — орлом.

Играет нами наудачу
Рука судьбы и в суете

То так подбросит, то иначе,
А то завертит на гурте...

Смотрю на юг, а ты на север,
И от того больней вдвойне...
Я аверс твой, а ты — мой реверс,
Так и живем — спиной к спине.

СУРРОГАТ

Снова в кухне одна, в окна звезды глядят,
С сигаретным дымком кофе пью — суррогат,
А за шторами полночь, домов целый ряд
И нигде ни души, все давно уже спят.

Сын тихонько войдет, на меня бросив взгляд,
Вновь отвечу ему что-нибудь невпопад...
Я сама не своя много лет уж подряд
И не женщина будто, а так — суррогат.

А часы на стене как обычно спешат,
Каждый прожитый день, отбивая в набат,
Я ж, дороги не зная, бреду наугад,
Мне за сорок уже! Ах, как годы летят!

Пожалею себя, оглянувшись назад,
Счастье, дружба, любовь — все сплошной суррогат.

— Нужно что-то менять — повторю я сто крат,—
Ведь не фальшь это небо, восход и закат,
Изобилие цвета и звуков каскад,
Неподдельные чувства во мне говорят!

И в рубашке одной выхожу прямо в сад
И вдыхаю, вдыхаю живой аромат...
На озябшие плечи, накинув халат,
Снова в кухню иду — кофе пить... суррогат.

ЛАЛА АХВЕРДИЕВА

(г. Узловая)

Ахвердиева Лала Машух кызы родилась в г. Баку. С 2004 года проживает в г. Узловая Тульской обл. Образование высшее.

Стихи начала писать с детства.

Член Узловского литературного общества и Новомосковского лит. объединения «НЛО».

В 10-м классе ее опубликовал советский журнал «Комсомольская жизнь». Затем, печаталась в журналах «Литературный Азербайджан», «Гюняш», в газетах «Вышка», «Ежедневные новости» и др.

В ноябре 2002 года была награждена дипломом третьей степени на Первом фестивале поэзии «Поэтический Баку 2002» в номинации «Стихи для детей».

В сентябре 2003 года в Азербайджанском государственном театре кукол им. А. Шаига состоялась премьера спектакля «Девичья башня», поставленная по мотивам сказки Л.Ахвердиевой «Легенда о девичьей башне». Вскоре, состоялась радиопередача на радиостанции «Араз», посвященное творчеству писательницы. Также о ней вышла статья в газете «Caspian Business News». Многие из ее произведений публиковались в альманахах «Содружество», «Родник», а так же в журнале «Мутарджим» (на нескольких языках).

В России Лалу знают по многим публикациям в газетах «Металлист», «Знамя», «Петровка, 38», альманаху «НЛО», «Узловая литературная», «Православный Новомосковск», «Приокские зори», «На крыльях Пегаса», «С бору по сосенке» (детский сборник для детей) и т.д. Она часто выступает со своими произведениями на утренниках и вечерах перед учащимися, передачи о которых транслируются по телевидению.

Ее перу принадлежат книги «Dis Manibus» (2004 г.) и «Караван» (2005 г.).

Книга «Фэтон любовных грез» третья книга автора готовится к изданию.

ЗНАЮ, ТЫ ВЕРНЕШЬСЯ!

Все решено? Какая жалость!
И капли шанса тоже нету?!
Но я, поверь, не испугалась:
Пойду гулять по белу свету.
С собой возьму луну и звезды,
И солнце, даже буйный ветер.
Ну а мечты свои и грезы
Пошлю к тебе в большом конверте.
Мечты расскажут, где брожу я,
А грезы путь укажут верный.
И знаю ты тогда, тоскуя,
Ко мне вернешься непременно!

ОСКОЛКИ

Холодный ветер, воя громко,
Юлит и кружится на льду.
Сухую, жгучую поземку
В лицо бросает на лету.
Хохочет ветер смехом колким,
Затем юлит, кружит опять.
А я любви своей осколки
С земли пытаюсь подобрать.

СПЕШУ К ТЕБЕ СКВОЗЬ ТУЧИ СЕРЫЕ...

Спешу к тебе сквозь тучи серые,
Дождем налитые, свинцовые.
Лечу к тебе я птицей белой,
Лечу на крыльях к тебе снова я!
Мы с ветром вместе в небе плачущем
Разгоним тучи беспросветные.
Тогда поверишь, Рыцарь страждущий,
Что есть любовь — любовь бессмертная!

ПОЛНОЧНЫЙ РАЙ

Бродяга-ветер средь лесов
Гуляет в полночь тихо.
Закрыты двери на засов.
Все спит. Но ветер лихо
Летает, кружит на бегу,
Сгибает станы трав в дугу
И, улетаая спешно ввысь,
Спешит к мохнатым тучам.
На небе звездочки зажглись
И освещают кручи.
Полночный рай. И в нем один
Летает ветер-господин.

ГДЕ ТЫ — ТАМ Я

Ты далеко. Но я с тобою.
Всегда с тобой.
Быть может, ты теперь у моря
И волн прибой
Рокочет громко и протяжно
В вечерний час.
Но, впрочем, мне совсем не важно,
Где ты сейчас.
Ты можешь быть в лесу и в поле,
Иль у ручья.
А я всегда, всегда с тобою:
Где ты — там я!

ЛЕВ КАЛЬЯНОВ

(г. Узловая)

Кальянов Лев Константинович родился в 1933 году в Узловой. Активно сотрудничал в печати. В последние годы трудился корреспондентом в газетах «Знамя» и «Металлист».

Опыт и мастерство оттачивал в литературных объединениях и поэтических семинарах. Стихи публиковались в районной, областной и всесоюзной печати, а также в журналах «Смена», «Советским воин», «Рабоче-крестьянский корреспондент».

Лев Константинович является одним из авторов семи коллективных сборников, вышедших в Туле в Приокском книжном издательстве и в Москве, и альманахах «НЛО» Новомосковского литературного объединения. Он также пишет стихи для детей, новеллы о природе и рыбалке.

Увлекается живописью. Неоднократно участвовал в городских, областных, межзональных художественных выставках.

За картину «С мамой» награжден дипломом и нагрудным значком «Победителю Всесоюзного смотра в РСФСР». Он — автор двух сборников стихов «Дарите нежность» и «Соловьиная станция».

ЖИВЕМ В КОЛЬЦЕ ОБИД

Живем в кольце обид.
Несем потери.
Но боль не запретит
В Россию верить,
Любить простор берез,
Рек зазеркалье,
И с церковкой откос
В немой печали,
Трав луговых настоек,
Птиц песнопенье,
Свод неба голубой,
Людей раденье.
Несем, крепясь, свой крест
В кипенье злого.
Куда идем? Невесть!
Чужда сия дорога.
Господь, нам помоги,
Чтоб Русь была не куцей,
Чтоб через все грехи
К величию вернуться!

СКУЛЬПТОР

Н. И. Боеву

Он отложил резец.
Расправил тяжко спину...
Промолвил: «Наконец
Я изваял богиню!..»
Запястье сжал браслет
В закатной позолоте...
Телесный, теплый свет
Плыл от груди до бедер.
Но главное — в глазах,
Что излучали нежность,
Как мастерства размах,
Сама смотрела вечность...
Творец из брюк достал
Монетку... Вверх подкинул...
Цигарку он скатал,
Дымок пуская синий...

ПОДСТРЕЛЕННАЯ ЛОСИХА

Василию Мишину

Она спрямленную дорожкой
Шла к лежке из последних сил.
А позади ушастый крошка
За ней испуганно спешил.

Багровый свет ложился тихо,
Окрашивая небосвод.
И дымно-серая лосиха
Брела настойчиво вперед.

Чуть отдыхала временами.
Над ней метался птичий гам.
Лосенок жадными губами
Тянулся к налитым сосцам.

И спину мать ему легонько
Лизала, тяжело дыша:
Не дрогнула рука подонка
В беде оставить малыша.

...Сомкнулся можжевельник чащей —
И рухнула лосиха-мать.
Лосенок голосом щемящим
Никак не мог ее поднять.

РУЧНЫЕ БЕЛКИ

Михаилу Крышко

У поляны, сидя на пеньке,
Угощал грибник веселых белок.
Он держал орехи на руке
И зверьки их брали то и дело.

Как они доверчиво-добры!
Радостно глядел на них мужчина.
Те в азарте дружеской игры
Вскакивали вдруг ему на спину...

Был, как чудо, беличий визит.
И светлы их милые проделки.
А в сторонке «говорил» всем щит:
Подкормите! — Тут ручные белки.

ЮРИЙ ЮРКОВ

(г. Узловая)

Юрий Юрков родился в деревне Федоровка Узловского района. Работал на машиностроительном заводе формовщиком, в шахте — лесогоном, стволowym, кондуктором, а также киномехаником, пожарным бойцом, счетоводом, библиотекарем.

Печатался в городских и областных периодических изданиях, участник областных и межобластных литературных семинаров.

Много лет трудился журналистом в узловской газете «Знамя». В настоящее время — редактор многотиражной газеты ОАО «АДС».

БАКУЛКИ

(Были и небылицы)

Никто не помнит, каков он был из себя — Бакулка-то, стар или молод, толст или худ, рыж или черен, давно ли жил Бакулка или недавно, а может, и не было его на свете или сейчас, где еще встретится, объявится... Один долдон, упрямец редкий, токовал мне, что Бакулку-то сам народ выдумал, а Бакулки и не было вовсе... Я не спорил с тупорылым, поди теперь разберись — был Бакулка, не был Бакулка? Одно достоверно, — веселого был нрава человек.

Бакулку-то и я не знал, не ведал, а вот бакулки в старинном селе Дедлове мне учудили, уж я уши вострил, головой вертел, записывал точь-в-точь как сказывали. Занятно и ладно, но не без умысла.

Горел Бакулка — раз!

Бакулка раз у кума на другой слободе гулевал-гостевал. То ли в Свисталовке это было, то ли в Котовке. Сам-то Бакулка в ту пору, говорят, на Добавках вертелся — может, и на Тюконовке, а с Нахаловки звонари всякие ильинским докучали, что он, Бакулка, у них жил — обитался. Вылетовские тоже не дураки были — за себя разговор вели. Но поближе к делу.

...Выпил, значит, Бакулка с кумом кувшинец кваску медвяного и к делу, с которым пришел, стал подбираться. Как вдруг слышат с улицы: «Пожар! Пожар!» Выскочили они из дома с кумом Силантием, глядят — польхает почему зря соседка Никифор. Пока разобрались, что к чему, пока ведра похватили, багры выдернули, пока прибежал люд отчаянный и в огонь сунулся — дом почти весь сгорел... Одни стены стоят, да труба печная торчит, а погорелец Никифор вокруг пепелища кружит, спасенную живность по родне тянет и судьбу свою разнесчастную клянет.

Ходит и Бакулка с погорельцами, все утешает их, жалеет. Часа два битых ходил, все сочувствовал. Вдруг липнет к нему мужик — проходец, трубкой смоляной, табачной, что трубой самоварной пыжит: «Ты что здесь походно потерял, Бакулка?» «А что тебе, паря?» — ощерился Бакулка. А мужик — проходец, бороды клок, не отстаёт: «Домой налегай, Бакулка, у вас на слободе пожар еще сильнее взъярился... от твоего дома одна печка осталась — дотла сгорел».

Не спасовал Бакулка перед такой вестью, перекрестился кое-как да и говорит: «Не может быть, паря... я ведь и в прошлом годе горел, хошь расскажу...» Онемел мужик-проходец от такого дива, рот разинул, про трубку забыл, слушает, как дело складывалось... Не забывай — за Бакулку я пересказ веду.

Горел Бакулка — два!

...Любит Бакулка сенокос, косил больше языком, по хворости-старости, лентяйству — об этом — не ведаю. А вот любота ему одна с косарями: выпить малешко, чем угостят, да бакулку потешную на свет божий вытащить. Глядишь, и отступится, отлегнет у мужика от сердца.

Днем какая косьба — трава жестит, овод вредный донимает, больше вечерами да зорьками утренними, ранними мужики в травы с косами лезли. И Бакулка среди них выюном ходит, то косье поправит, то брусок подаст, но больше всего бакулками потчует.

И в этот раз так было. Выпили мужики с устатку, перехватили голод да внимают Бакулке, его речи занятой. Только вдруг видят — дыминой деревенское место заволакивает, пожар там, видать, большой состоялся. Мужики волнуются, коней ладят. Один Бакулка печали не ведает, бахвалится, спорит: «Если на моей слободе горит, то четверть зелья вам. мужики, покупаю, выспорю — вы мне...»

Тут и верховой вскорости прискакал, выпалил: «Три дома, занялись, два отстояли, а твой дом, Бакулка, не смогли... Сгорел вчистую... одна старуха твоя уцелела...».

Все затихли, на Бакулку смотреть бояться. Знают, что он и в прошлом году горел — выкручивался.

Плохо Бакулке, муторно, а уж характер такой у него неунывающий... Собирает Бакулка мужиков в круг и — такую речь ведет: «Таперича, мужики, с меня не четверть зелья, а две полагается, два раза ведь горел... проспорил». И не мешкая более, посылает верхового в трактир, что в часу ходьбы от косцов торчал.

Подивились мужики Бакулке, вышли, повеселели, погутарили да, и пожалели его — смехом да смехом, а словчились и всем миром Бакулке дом заново поставили.

...И в тот раз, и в этот тоже миром налегнули — это мужик-проходец сказывал — да Бакулке на слободе еще раз дом в бугор воткнули. Толь, кажись, на другой слободе. Каждый желал, чтобы такой весельчак в ихней стороне кружился.

Бакулка там и поныне в окошко выглядывает. Только, где этот дом, где то окошко? — поискать надо. Дедлово село большое — пребольшое, поди сыщи, угадай, кто где в окошко высовывается. Только Бакулку не надо искать, сам о себе знать даст. Вот какой слух, но не про Бакулку, в одно часье вышел.. Люд зряшный, любопытный без меры Бакулке допекал: отчего горел ты? А Бакулка не серчал, всем одно отвечал: «От огня, милок от огня!»

Точило

Едет как-то Бакулка с тульского базару к себе в село Дедлово. Лошадь, значит, притомилась, дождь лупит, такая хмуришь в душе мается. Однако Бакулка храбрится, все ему нипочем.

Ехал, ехал и узрел он около дороги под сараями мужиков, эдак подвод десять, а то и пятнадцать скопилось. Прячутся мужики под крышами от дождя, отдыхают, лошадей у обочины побросали. Замерзли мужики, промокли, погоду поругивают, базар плохой, больше всего самосадам чадят. Завидели они Бакулку, оживились — сейчас мы над ним, мол, посмеемся, потешимся. Особо богатеи Семен по кличке Ржавый раздрается. Да не таков Бакулка, чтобы это впросак попадать... Видят мужики, Бакулка на возу что-то веретьем старательно так норовит укрыть. «Чтобы дождем, значит, не побило, не попортило», — соображают самые догадливые. Гадают мужики, спросить желают, что он так прячет. А Бакулка их упредил, как начал кричать: «Мужики! Точило новое везу — недорого возьму!.. Хоро-о-шее точило! В самой Туле купил — продал!» И снова орет: «Кому точило? В Туле купил — продал...» Не пой-

мут мужики, как это — купил-продал. Да точило всем в хозяйстве не помеха. Вот и горланят они ему в разную: «Продай, Бакулка, точило, в цене сойдемся». Особо повторяю — Семен Ржавый всполыхался, жадный мужик, хитрый, думает: сейчас он купит по дешевке, а потом втридорога сплавит тому же мужику, да еще посмеется над Бакулкой... А Бакулка в цене не жметя, уже с Семеном по рукам бьет, куплю-продажу совершает.

«Хорошее точило-то?» — спрашивает Семен Ржавый. А дождь как назло еще сильнее припустился. «Спасу нет,— серьезно так ему Бакулка ответ держит,— другие стачиваются, а эта, это... год от года все длиннее становится...» Мужики застыли было, а тут в разогрев пошли, что-то не так, чувят, в чем дело не поймут.

А тут вскоре и дождь осекся, посыльной с вином успел обернуться. Выпили мужики по одной на даровщину и айда гурьбой на бакулкино точило плятиться. Первым Семен Ржавый поспекает, цап за веретъе, а там на телеге... старуха-жена бакулкина спросонья моргает. Она от дождя веретъем накрылась пригелась да и задремала в сласть...

Как она тут запричитала, как начала костить-точить мужа своего Бакулку и мужиков поедом есть спасу нет! Мужики сначала смеялись, а потом разбежаться стали — над Семеном Ржавым зубы скалить. Семен все хмурился, но ума хватило не обижаться, а потом, послушал, послушал, как бабка Бакулку точит — на лошадь, да тягу домой.

Пришли к тебе...

Бакулка как-то вечером к соседу завернул, Ивану Титовичу. Строгих правил был мужик Титович. Умником себя несусветным считал, да только другие так не думали. Никому хозяин в доме свободы не давал: ни игрищ тебе, ни смеху какого, сидели домочадцы по лавкам, как после похорон, слушали Титовича наставления, слезы глотали за вязаньем бесконечным да пряжей.

Посидел Бакулка на лавке, повертелся, поскучал недолго да и стал домашних банками забавлять. да застревает у них смех-то в горле, потому что Титович на печи лежит — крихтит — хмурится. Тут и решил Бакулка проучить злого старика. Потихоньку от старого самовара трубу разыскал... Раньше как было — самовар на полу около печки стоял — грелся, угольями малиновыми млеет, а труба самовара, чтоб дым уходил, к загнетке тянулась.

Тут смеркаться начало. Взял Бакулка трубу самоварную, влез под стол, трубу в сторону печки направил и начал бубнить чудным голосом туда, где подслеповатый хрыч угрелся... Слышит Титович спросонья голос грозный:

«Вставай, Титович, иди, ты мне нужен...» Это, значит, ему Бакулка в трубу бубнит. «Да, кто ты, молодец, будешь?» — испуганно вопрошает Титович. Слышит опять: «Я к тебе пришел, открывай...» Куда деваться? Слез Титович с печки, открывать двери пошел-поплелся, а там никого. Думал — со сна. Только влез на печь — опять ему голос мерещится: «Титович, открой, слышал я, что ты горд без меры, веселости не знаешь... ты мне такой нужен». Совсем ополоумел Титович, крестится, трясется от страха, а слезает с печки, как спутанный, к двери волочитя... А домочадцы по углам затихли, от смеха давятся.

Так и провел Бакулка старого умника. До трех раз Бакулка Титовича с печки гонял, ругал, пока Титович чуть не заколенел от страха, а домашние чуть смехом не изошли... В одночасье собрал Титович около себя всех домочадцев и объявил: «Смерть моя приходила за мной, потому послабление вам даю, чада мои...» А как догадался, как увидел, что это Бакулка с трубой под столом сидит, страшает, ошалел было совсем, ругаться разошелся, да вдруг и обмяк, смешком затрясся, заморщился,

остепенился, одним словом, и с тех пор власть злую над домочадцами упустил. Вот что смех с человеком делает.

Еще про Титовича

Титович, как известно, себя великим умником почитал, думал, что никто его в деревне не обманет, не проведет. Любил повторять Титович, что нет, мол, такого человека на свете, чтоб ему ума на день хватило, все ошибется, а ему вот, Титовичу, хватает да еще с остатком. С тем и жил. Отошел он вскоре после посмешища, что Бакулка ему сотворил, и опять в дурь наладил, заявил вдруг, что второй раз его никто, мол, не обманет, а в тот раз — он недужный был, смерти испугался, вот и поддался Бакулке. Да еще для авторитету старый олух слух пустил, что на старости лет грамоту одолел, вот только очки к нему из городу приедут и зачитает он. Знал хитрец, что долго к нему очки еще ехать будут.

Посмеялся Бакулка, слыша эти речи и к вечеру Титовичу в гости пожаловал.... Зашел, сел на лавку и завел: «Не обижайся, сосед, за старое, я к тебе с новостью... слышишь — власть приказала... торфища-то, что у тебя внизу за огородами — засыпать велено... залетит лошадь — ногу сломит или человек, невзначай, утонет... тебе тюрьма по приказу или штраф большой». И в доказательство слов своих бумагу исписанную Титовичу под нос тычет, от властей она — бумага, якобы дана. Печать видна.

А Титович для чего себя грамотным объявил да, чтоб над домашними властью поиздеваться, чтоб, значит, опять они его зауважали, забоялись. Только никогда он, Титович не знал настоящей грамоты — ни читать, ни писать не умел, правда, по печатному разобрал с пятого на десятое, а чтоб писанное от руки прочесть или буквы самому изобразить, так это на него хоть ружжо наставляй — не осилит.

Вот он и просит Бакулку смиренно — ты уж прочти, милоч, бумагу, а то мне недосуг, видишь, хомут чиню-ковьярю да и очки в дороге. Ну и прочитал ему Бакулка: «Э-э-э... чтоб, э-это... к завтрашнему дню засыпать торфища, а кто не успеет сделать — тому штраф будет в сто рублей, а первым управишься... премия». Уважал Титович власть, все разбогатеть хотел. В два счета собрал он своих домочадцев и родню сладкую, да две ямны, на ночь глядя завалил. Труда впустую положил — страсть. А народ увидал да посмеиваться стал.

Но торфищ не стало, поровняло на лугу, повеселел Титович. Дело так обставлять стал, будто это он сам торфища додумался засыпать для пользы дела. Только мало кто ему верил, больше люди посмеивались. Бакулка опять в героях хаживал.

Как услышал Титович про свою оплошку, так и заболел с горя — как это его провели, как малого ребенка.

